

Этнография, этнология и антропология

УДК 393

DOI 10.37386/2413-4481-2020-3-101-104

Н.Н. Головченко

Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Россия

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Статья посвящена вопросам интеграции антропологических, археологических и криминалистических исследований в области экспериментального моделирования процесса деструкции тела человека. Обсуждаются перспективы использования судебно-медицинских и криминалистических разработок для интерпретации и реконструкции археологического костюма, в частности по вопросу установления точного соотношения предметного комплекса с конкретными элементами одежды. Сопоставление результатов криминалистических и археологических экспериментов показало сильное смещение отдельных частей тела и предметного комплекса одежды человека в ходе деструкции тела. Данный вывод позволяет вернуться к предположению о том, что предметный комплекс одежды и личных украшений, обнаруженный в погребениях, зачастую не должен рассматриваться как априори обнаруженный *in situ*.

Ключевые слова: эксперимент, деструкция тела человека, предметный комплекс одежды, археология, криминалистика.

N.N. Golovchenko

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

EXPERIMENTAL STUDY OF FUNERAL RITES IN THE CONTEXT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The article is devoted to the integration of archaeological, anthropological and forensic research in the field of experimental modeling of the destruction of the human body. The prospects of using forensic and criminalistic developments for the interpretation and reconstruction of the archaeological costume, in particular on the establishment of the exact ratio of the subject complex with specific elements of clothing, are discussed. A comparison of the results of forensic and archaeological experiments showed a strong displacement of individual parts of the body and the subject complex of human clothing during the destruction of the body. This conclusion allows us to return to the assumption that the object complex of clothes and personal jewelry found in burials should often not be considered by archaeologists as a priori discovered *in situ*.

Key words: experiment, destruction of the human body, subject complex of clothing, archeology, forensics.

Изучение погребальной обрядности является традиционным и одним из наиболее интенсивно разрабатываемых направлений современной антропологии. Исследователями накоплен значительный методический и практический опыт работы с историческими источниками, происходящими из погребальных комплексов, предложены схемы интерпретации данного материала. Однако при всей разработанности отмеченной проблематики представления научной общественности о погребальной обрядности той или иной археологической культуры зачастую остаются в значительной степени фрагментарными.

В связи с этим возникает необходимость интегрированного анализа известных источников и получения новых интерпретационных выводов, в том числе основанных на привлечении сведений экспериментального моделирования. К примеру, экспериментальное моделирование дрейфа предметного комплекса одежды на материалах большебереченской культурно-исторической общности впервые было осуществлено А.П. Бородовским и И.Г. Глушковым [1, с. 15–23], а затем с небольшими коррективами повторено нами [2, с. 76–80]. Проведенные наблюдения позволили определить границы возможности установления

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества № 20-1-001753.

соответствия между предметным комплексом и отдельными элементами одежды, способствовавшим дальнейшим реконструкциям костюма, результаты которых остаются в известной степени дискуссионными.

Наше повторное обращение к данной проблематике продиктовано выходом в свет статьи авторов Wilson Alyson, Serafin Stanley, Seckiner Dilan, Berry Rachel, Mallet Xanthe [3, с. 204–210], позволившей поставить ряд новых вопросов к подходу об интерпретации археологических погребальных комплексов.

Представляемая вниманию читателей публикация коллектива австралийских ученых-криминалистов посвящена опыту экспериментальной оценки посмертного (постмортального) интервала (времени с момента смерти). Актуальность данной тематики обусловлена обращениями правоохранительных органов к криминалистам при расследовании смертей, опознании пропавших без вести и в других подобных случаях [3, с. 204–210].

Используемые криминалистами формулы для определения времени с момента смерти, основанные на экспериментальных наблюдениях за разложением человеческого донора, оцениваемые исследователем лично один раз в неделю или не чаще одного раза в день, авторы статьи считают недостаточно точными. В обоснование своих доводов исследователи указывают на возможные изменения декомпозиции (разложения) донора в интервалы между наблюдениями, вносящие искажения в используемые формулы. Кроме того, декомпозиционные исследования, проведенные в различных частях мира, не смогли разработать универсальную формулу расчета времени с момента смерти, что, по мнению авторов, также подчеркивает важность учета местных условий окружающей среды. Подобные эксперименты проводились ранее со свиньями, но не с людьми, при этом процесс разложения тела свиньи отличается от разложения человеческого тела [4, с. 18–22].

В работе описан процесс наблюдения за разложением тела человека в естественных климатических условиях Австралии с использованием техники временной покадровой визуализации для улучшения оценки посмертного интервала [3, с. 204–210]. Работа является ценным исследованием для разрешения некоторых вопросов изучения погребальной обрядности по материалам археологических памятников. Выборочная совокупность материалов данного исследования состояла из одного человеческого тела, пожертвованного австралийскому фонду тафономических экспериментальных исследований (сокращенно – AFTER), расположенному в Новом Южном Уэльсе [3, с. 204–210].

В течение 24 часов после смерти тело донора было помещено на открытом воздухе в положении лежа на спине поверх неизменной почвы внутри клетки высотой 4,35 метра, шириной 2,40 метра и длиной 4,35 метра. Клетка имела дверцу, которая позволяла исследователям получить полный доступ ко всем сторонам донора без необходимости беспокоить тело, чтобы минимизировать потенциальные внешние эффекты на разложение. Клетка была необходима для предотвращения возможного нарушения остатков дикими животными. Фиксация процесса разложения началась в течение 2 часов после прибытия донора на место в феврале 2018 года [3, с. 204–210].

Цифровые изображения были получены авторами с помощью пяти временных камер Brinno TLC 200 Pro, которые имеют разрешение 1,3 мегапикселя. Все пять камер были установлены в рабочее положение с помощью специально разработанной конструкции. Камеры располагались в 0,53 м над лицом, 0,44 м над левой рукой, 0,53 м над правой рукой, для съемки общего вида сверху в 2,2 м над землей и для съемки профиля тела в 0,25 см от поверхности земли. Запись велась постоянно, с небольшими перерывами в 1–2 минуты раз в месяц, для смены батарей камер и копирования файлов видеозаписи на ноутбук. В связи с этическими ограничениями авторам не представилось возможным включить изображения донора в рассматриваемую публикацию (в отечественных публикациях подобные фотографии есть) [3, с. 204–210].

Проведенное исследование предоставило визуальную оценку разложения донора с использованием временных изображений, сделанных в период с февраля по август 2018 года. Фотографии делались каждые 30 минут в дневное время. Для исследования с целью оценить скорость разложения тела были отобраны снимки, сделанные в 8:00, 11:00, 14:00, 15:00 и 17:00 часов [3, с. 204–210].

В таблице 1 работы представлены категории и стадии разложения тела [3, с. 204–210]. В качестве наблюдаемых категорий авторами выделены голова и шея, туловище и конечности донора. Отмечены следующие стадии разложения тела: свежее тело, раннее разложение, расширенная декомпозиция и скелетизация. Наиболее интенсивные изменения с телом происходили на второй и третьей стадиях. На стадии раннего разложения отмечено частичное выпадение волос на голове, вздутие живота, смещение рук и ног. На стадии расширенной декомпозиции зафиксировано обрушение плоти и тканей шеи и головы, проседание плоти внутрь брюшной полости, влажное разложение тканей.

В итоге по результатам наблюдений авторами был определен средний балл разложения тела, предложена формула расчета посмертного интервала и дан статистический анализ материалов эксперимента, оценены факторы, оказывающие влияние на скорость разложения тела.

Не вдаваясь в обсуждение криминалистической стороны данной статьи, принимая во внимание, что авторам чужда археологическая проблематика, необходимо обратить внимание на результаты проведенного эксперимента, отражающие деформацию тела человека в процессе разложения. В сибирской археологии уже существовали прецеденты экспериментального изучения погребальной обрядности. В частности, И.Г. Глушковым и А.П. Бородовским предпринималась попытка определения дрейфа предметного комплекса одежды по снежной модели [1, с. 15–23], которая, тая определенным образом, иллюстрировала процесс деструкции. Данная модель являлась лишь огрубленным образом оригинала и была призвана воспроизводить его отдельные свойства.

Эксперимент со снежной моделью, конечно, имеет ряд известных недостатков: уплощение картины расположения предметного комплекса, отсутствие отражения первых стадий деструкции тела, быстрота таяния снега, дрейф предметного комплекса одежды в свободном пространстве, отсутствие воздействия ряда природно-климатических факторов [2, с. 76–80]. Кроме того, в процессе разложения мягких тканей и распада связок может наблюдаться различная степень естественного смещения отдельных элементов скелета от своего первоначального (на момент погребения) положения. Эти смещения зависят от конструкции погребального сооружения, позы, придаваемой погребаемому, от его облачения и общей тафономической ситуации [5, с. 84–89].

Во многом те же недостатки (в археологическом ракурсе) присущи эксперименту коллектива австралийских криминалистов. Оба эксперимента фактически не учитывают процесса разложения тканей одежды и погребального савана обматывающего тело покойного, если таковой использовался. Не учитываются и условия внутри погребальных камер, неизбежно вносящие определенные коррективы в процесс разложения.

Сопоставление результатов проведенных экспериментов показывает сильное смещение отдельных частей тела и предметного комплекса одежды человека в ходе деструкции (вторая и третья стадии). Данный вывод позволяет вернуться к предположению о том, что предметный комплекс одежды и личных украшений зачастую не должен

рассматриваться как обнаруженный *in situ*. Это заключение в определенной степени дополняется сведениями, полученными отечественными антропологами при анализе археологических комплексов [5, с. 84–89], и уже учитывается в процессе создания демонстрационных графических и фотонатурных реконструкций [6, с. 37–51; 7, с. 64–67; 8, с. 90–99]. Однако более системно фактор трупных явлений рассмотрен в работе криминалиста А.Ю. Власова, которым видимые проявления естественных посмертных изменений были классифицированы на быстрые (изменение температуры, появление трупных пятен, мышечное окоченение, формирование высыхания, проявление аутолиза), отсроченные (гнилостная венозная сеть, проявление трупной зелени, гнилостная эмфизема, гнилостные пузыри, гнилостная имбибиция) и консервирующие (мумификация, жировоск, торфяное дубление, замораживание и редкие явления помещения тела в консервирующие условия природной или искусственной среды) [9, с. 128–149]. Каждое из отмеченных автором явлений может оказать определенное воздействие на положение формирующихся скелетных останков и расположение приуроченного к ним предметного комплекса, о чем красноречиво свидетельствуют приведенные исследователем фотографии. Так, заметно, что одежда и украшения на покойном сидят иначе, чем на живом человеке: материя головного убора и ворота испытывают определенное натяжение от начинающихся гнилостных процессов, полы распашной одежды отгибаются под причудливыми углами, пояс и штаны как будто съезжают с линии первоначальной посадки по талии и т. п.

Отмеченные выводы подкрепляются и другими работами отечественных криминалистов, посвященных танатогенезу, обследованию места обнаружения останков и тактической операции «атрибуции трупа» [10, с. 26–29; 11, с. 161–165; 12; 13, с. 126; 14, с. 201–203]. Наиболее любопытными в этом отношении нам видятся разработки московских криминалистов в области макетного моделирования и анализа экспертиз сложного туалета по приданию прижизненного вида лицу трупа неизвестного [15, с. 41–58]. К сожалению, большинство подобных методик остаются не опробованными при анализе археологического материала.

Криминалистика, антропология и археология – прикладные дисциплины-коллеги, по сути, исследующие один и тот же тафономический процесс, но на разных его этапах. Если криминалистику интересуют, прежде всего, вопросы, связанные с непосредственными действиями и событиями, имевшими место в относительно близком прошлом, то архео-

логию и антропологию занимают проблемы отложения данного материала вместе с сопутствующим комплексом. Данные этапы Л.С. Клейн предложил называть опредмечиванием (создание артефактов на базе идей и в результате каких-то событий), отложением (выход предметов из действующей культуры, жизни), археологизацией (превращения материальных остатков и следов в отложенном состоянии под воздействием различных факторов) и открытием (обнаружение, фиксация, обработка и публикация памятников) [16, с. 156–157].

Привлечение современных данных криминалистики, хотя бы на уровне аналогий, позволяет археологам более научно подходить к восстановлению динамики изменения своей источниковой базы, ретроспективно – от конца ее существования к началу. Данное направление исследовательской мысли – неотъемлемая черта археологии. Каждый памятник, артефакт запечатлен в особом

контексте, но совокупность этих контекстов археологами рассматривается типологически. Поэтому, несмотря на известную специфичность каждого отдельно взятого процесса разложения, в каждом из них выделяются общие закономерности. Следовательно, определение изначального места расположения скелетизированных останков и элементов декора погребальной (в самом широком смысле) одежды поддается обоснованным реконструкциям. Археология, по меткому замечанию Л.С. Клейна, уподобляется «деятельности детектива» [14, с. 159–163].

Подводя итоги, необходимо отметить перспективность анализа археологического и антропологического материала через его соотношение с данными криминалистики. Совместная работа криминалиста, антрополога и археолога позволит определить границы интеграции дисциплин и обоснованность получаемых реконструкций и интерпретаций.

Библиографический список

1. Бородовский А. П., Глушков И. Г. Экспериментальное исследование погребальной обрядности // Экспериментальная археология. Известия лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пединститута. Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1991. С. 15–23.
2. Головченко Н. Н. Экспериментальное исследование погребальной обрядности и реконструкция одежды населения скифского времени Верхнего Приобья // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (32). С. 76–80.
3. Evaluating the utility of time-lapse imaging in the estimation of post-mortem interval: An Australian case study / Wilson Alyson, Serafin Stanley, Seckiner Dilan, Berry Rachel, Mallet Xanthe // Forensic Science International: Synergy. 2019. № 1. P. 204–210.
4. Специфика путрификации трупа под действием ферментных систем некробиома / Н. А. Сидорова [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2017. № 60 (5). С. 18–22.
5. Зайцева О. В., Ражев Д. И. Возможности реконструкции особенностей первоначального размещения тела в погребениях по обряду ингумации // Вестник Томского университета. 2007. № 302. С. 84–89.
6. Матвеева Н. П., Проконова М. М. Воинские облачения из элитных погребений саргатской культуры (Западная Сибирь) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2019. № 3. С. 37–51.
7. Головченко Н. Н. Реконструкция одного из вариантов погребального костюма населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа (по материалам коллекции памятника Новотроицкое-1) // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2015. № 24. С. 64–67.
8. Головченко Н. Н. Вопросы интерпретации костыльков-кочедыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, Филология. 2019. Т. 18, № 3. С. 90–99.
9. Власов А. Ю. Трупные явления («жизнь трупа»): Часть II // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2018. № 3. С. 128–149.
10. Алымов Д. В. Система тактической операции «Атрибуция трупа» // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и Право. 2012. № 2–1. С. 26–29.
11. Бабенко В. П. Судебно-медицинская экспертиза костных останков по определению длины тела человека на основе математического моделирования морфологических признаков малоберцовых костей и их фрагментов / В. П. Бабенко // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 15. С. 161–165.
12. Туманов Э. В., Кильдюшов Е. М., Соколова З. Ю. Судебно-медицинская танатология. М.: ЮрИнфоЗдрав, 2012. 171 с.
13. Эделев Н. С., Воробьев В. Г., Краев И. П. Комплексное использование методов регистрации тканевого давления в судебно-медицинской практике // Современные технологии в медицине. 2012. № 2. С. 125–127.
14. Теньков А. Ф., Кривохатко А. А., Хозиков А. С. Криминалистическое значение внешнего облика трупа, обнаруженного на месте происшествия // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 15 (6). С. 201–203.
15. Экспертиза сложного туалета по приданию прижизненного вида лицу трупа неизвестного / В. В. Горбунов [и др.] // Современные гуманитарные технологии в высшем образовании: состояние и перспектива развития: сборник публикаций преподавателей и студентов по итогам международной научно-практической конференции / под ред. В. Д. Серякова. М.: Изд-во «Спутник+», 2019. С. 41–58.
16. Клейн Л. С. Введение в теоретическую археологию. Книга 1: Метаархеология: учеб. пособие. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.